

Schott A. și A. Basme valaha. București, 2003.

Scurtu V. Cercetări folclorice în Ugocea românească // Anuarul Arhivei de Folklor, VI, 1942. P. 123–301.

Șăineanu L. Zilele Babei și legenda Dochiei // Șăineanu L. Studii folklorice. Cercetări în domeniul literaturii populare. București, 1896. P. 1–45.

Д. С. Ермолин

СЕЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИК КАК ВНЕШНИЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

С момента укрепления своих позиций и укоренения в культуре Русская православная церковь начала вести развернутую миссионерскую деятельность, которая продолжается и по сей день. Так, в разное время приняли крещение многие народы, проживающие в пределах Государства Российского: карелы, коми, вепсы, мордва, чуваш и др. В процессе формирования могущественной империи православие было необходимым объединяющим фактором, который был призван если не нивелировать этнические особенности, то по возможности сгладить их. Создавались региональные епархии, воспитывался местный клир, формировались общины. Безусловно, нужно понимать, что христианство, особенно в отдаленных уголках империи, реально бытовало в виде народного православия — церковные догматы в конечном счете ложились на субстрат языческих представлений, а дохристианские практики органично вписывались в уклад православной жизни.

Это идеальная модель. Но вероятность таковой была чрезвычайно высока, если и миряне, и клир имели общую этническую историю. Если священник был приезжим, то, конечно, он пытался искоренить все небогоугодные практики и представления, его долгом было наставление «заблудшей паствы на путь истинный». С точки зрения церкви, как и с позиций обывателя, данная ситуация не является ни в коей мере вредной, наоборот, заслуживает всяческого поощрения. Посмотрим же на это глазами сельского жителя: обряды, обычаи, практики, заговоры, которые, как и православная вера, на протяжении многих веков были корнями, питавшими крепкий ствол народной жизни, должны быть преданы забвению.

К сожалению, описанная выше картина не осталась в далеком прошлом. Поднять данный вопрос автора заставили наблюдения, сделанные в ходе полевой работы в албанских поселениях украинского Приазовья. Православные албанцы заселили эти земли в 1860-х годах, создав три села (Георгиевка, Гамовка, Девнинское) на месте ногайских поселений. Эта группа балканских колонистов попала в границы Российской империи в 1811 г. (на территорию нынешней Одесской области). До этого албанцы проживали в Варненской области Болгарии. Предполагается, что исторической родиной приазовских албанцев является район города Корча (Юго-восток Албании) — исконно православный регион. Трансбалканский маршрут следования отважных людей,

спасавших свою веру в эпоху османской исламизации, который занял не одну сотню лет, пока остается неизвестным.

О крепости веры албанцев говорит такой простой факт: после успешной организации хозяйства, освоения земель и налаживания экономических связей с городом местные жители во всех трех селах собрали деньги и построили кирпичные церкви. В селах Девнинское и Гаммовка церкви сохранились: в годы советской власти их использовали колхозы под свои нужды. Храм в селе Георгиевка время не пощадило: он был разрушен в 1932 г. Жители села говорят, что именно их храм был самым красивым и самым большим в округе. Возможно, так и было, иначе как объяснить решение властей сравнять с землей именно его, оставив практически нетронутыми две соседние церкви (у храма в с. Гаммовка была изменена конструкция крыши и разобран купол вместе с барабаном).

Летом 2009 г. мною были записаны интересные сведения о священнике, жившем в с. Георгиевка и сосланном на север России после разрушения храма. Мать нашего информанта Софьи Ивановны Бурлачко (1937 г.р.) рассказывала дочери, что отец Евстафий обладал Божьим даром избавления от недугов. К нему приезжали люди со всего района, их было так много, что местным жителям приходилось оставлять их у себя. Мне не удалось выяснить этническую принадлежность о. Евстафия, но представляется вероятным, что он мог быть из числа местных жителей, поскольку до середины XX в. албанцы жили обособленно и их поселения были закрыты для представителей других этносов. На это указывают стопроцентные внутриэтнические браки до 1920-х годов. Позже межэтнические браки стали возможны с болгарями и гагаузами — другими балканскими колонистами Приазовья. Это и понятно: три народа имели исторический опыт общего проживания на территории Болгарии. Ситуация в плане сохранения обособленности ухудшается с 1950-х годов, когда в силу ряда причин получили распространение браки албанцев с русскими и украинцами, до этого вызывавшее резкое неодобрение (см. статьи А.А. Новика по этой теме).

В пользу версии, что отец Евстафий мог быть албанцем (или же представителем указанных выше балканских этносов), также выступает следующее косвенное доказательство. До нас дошел богатый пласт традиционных дохристианских представлений, обрядов, обычаев, примет, который был сохранен в народной памяти после переселения с Балкан. Таким образом, подобное представляется возможным в двух случаях: а) священник сам разделял подобные представления и не считал их противоречащими христианскому учению, б) священник (если он был не из числа местных) с уважением относился к обычаям пришлого населения и не запрещал их.

Пожалуй, одной из самых важных точек соприкосновения традиционных представлений и православной традиции является факт смерти и круг связанных с этим вопросов, прежде всего погребально-поминальная обрядность. Необходимо заметить, что многие ее элементы у приазовских албанцев действительно восходят к дохристианским верованиям и представлениям о смерти, покойном и его пребывании в потустороннем мире, функциях и свойствах предметов, используемых при похоронах. Такая ситуация в целом характерна

для балкано-карпатского ареала безотносительно к исповедуемым религиям (христианство или ислам). В данном сообщении я не буду подробно останавливаться на всех нехристианских чертах погребально-поминальной обрядности албанцев Приазовья, ограничившись описанием лишь некоторых в контексте попыток их искоренения местным духовенством.

После длительного перерыва в 2001 г. в с. Георгиевка появился священник — отец Виктор¹. Церковь была устроена в светском строении, в котором и по сей день ведутся ремонтные работы. Отец Виктор — уроженец Западной Украины. Приехав в албанское село и столкнувшись с непривычными, даже «языческими» обрядами, батюшка начал вести серьезную миссионерскую работу с местным населением. Вокруг него сразу сформировалась небольшая группа прихожан, состоящая в основном из женщин среднего и пенсионного возраста. За время жизни и работы в селе отец Виктор организовал несколько паломнических поездок по святым местам Украины.

Если говорить о погребальном обряде, то священник довольно категорично запрещал исполнение некоторых важных его элементов. Так, отец Виктор не позволял завешивать зеркала в доме усопшего, как того требует традиция во избежание того, чтобы покойник мог случайно увидеть свое отражение. То же самое касается зеркал в автомобиле, на котором везут гроб с умершим до кладбища. Согласно албанскому обряду, все люди, присутствующие на похоронах, должны повязать на левую руку выше локтя белый платок (еще при жизни человек покупает огромное количество платков и кладет в узел со смертной одеждой). Как сообщили мне информанты, раньше близкие родственники усопшего должны были повязать большой платок, остальные присутствующие — обычный носовой платок. Помимо этого, на мужской намогильный крест положено повязывать белое полотенце, на женский — платок. На Балканах традиционной траурной гаммой является сочетание черного с белым, что и по сей день остается неизменным² [Токарев 1946: 209]. Батюшка запретил использование белых платков и полотенец в траурной процессии, ограничившись коротким объяснением: *не свадьба ведь*.

Помимо прочего, произошел сдвиг некоторых гендерных ролей в рамках погребальной обрядности. До недавнего времени существовало жесткое распределение мужских и женских обязанностей во время следования траурной процессии до кладбища: так, крест и крышку гроба должны были нести люди одного пола с покойным. Отец Виктор запретил женщинам таким образом участвовать в процессии, мотивируя тем, что Иисус Христос был мужчиной. В настоящее время крест, крышку гроба и сам гроб несут только мужчины (даже в том случае, если используют транспорт).

Последовали также запреты на то, чтобы класть покойному небольшую сумму денег в карман. По представлениям албанцев, на «том свете» умершему

¹ Церковь в с. Георгиевка относится к Бердянской и Приморской епархии УПЦ Московского патриархата.

² На это указывают полевые наблюдения автора на территории Черногории и Албании (экспедиция 2009 г. на Балканский полуостров).

придется *платить за место / вход*. Местные жители, несмотря ни на что, продолжали класть деньги в момент отсутствия священника. Однако самый большой резонанс местных жителей вызвали запреты батюшки на обычай поливания могил. На протяжении девяти дней после смерти члена семьи (за исключением восьмого дня), в Чистый четверг, во все поминальные дни и по субботам рано утром (а в период девяти дней и вечером) женщины ходят на кладбище поливать могилы родственников. Этот обычай также является балканизмом: в ряде районов Болгарии и Румынии существуют подобные практики, зачастую вместо воды в обряде выступает вино. Отец Виктор также запрещал описанные действия, но спустя некоторое время разрешил местным жителям изредка кропить могилы родных в том случае, если только в тару с водой было добавлено некоторое количество святой воды.

Следующий пример деятильности священника повлиял не только на обрядность как таковую, но косвенным образом и на уклад жизни селян. Одним из главных поминальных дней в православном календарном цикле является Радоница — особый день поминовения усопших, который совершается на девятый день от Пасхи. У приазовских албанцев этот день называется *Малая Пасха (Pashka a Jogle)*, *Их Понедельник, Покойников Понедельник*. В этот день было принято ходить на кладбище, поливать могилы родных. Затем все присутствующие расстлала на земле скатерти (в специально отведенном для этого месте рядом с кладбищем), доставали еду¹ и садились поминать. Дети должны были разносить пасхальные яйца и калачи, давать односельчанам с просьбой помянуть усопших членов их семьи. Фактически этот день был единственным в году, когда все жители села собирались за общей трапезой. Отец Виктор убедил прихожан в том, что поминать усопших следует дома по возвращению с кладбища, в крайнем случае допускается трапеза рядом с могилами родных. Реально действия священника привели к ослаблению связей между жителями с. Георгиевка. Судя по тому, с каким удовольствием и вододушевием рассказывают информанты о том, как отмечалась раньше Малая Пасха, можно сделать вывод, что этот день был важным событием в жизни всего села.

Эти эпизоды из духовной жизни села стали известны от информантов, которые в беседах со мной жаловались на то, что отец Виктор запрещал некоторые обряды, называл их языческими, в то время как эти традиции жители села наблюдали с детства в исполнении взрослых, затем сами унаследовали их от своих *православных* родителей. В тяжелой ситуации утраты близкого перед человеком вставала еще проблема выбора. Выполняя все православные предписания и заказывая отпевание и панихиды, жители села скрепя сердце были вынуждены отказываться от обрядов отцов и дедов, которые в рамках похорон представлялись им не менее важными. В противном случае священник отказывался служить на похоронах. За подобное отношение к службе отец Виктор получил прозвище *католик* (очевидно, из-за своего места рождения), который

¹ Как правило, в качестве обрядовой пищи выступали пасхальные блюда: крашеные яйца и куличи. В этот день пекли также калачи из дрожжевого теста, клали их на могилы и раздавали односельчанам.

не нашу веру вел. Позиция священника отчасти понятна: чин погребения православного христианина, как и все остальные таинства и обряды, должен быть одинаковым, но, как представляется, необходимо найти компромисс, который бы учитывал этнический фон и особенности населения.

В 2008 г. на место отца Виктора, вернувшегося на Западную Украину, приехал священник о. Александр из Донецкой области — молодой и энергичный мужчина из мирских, который после окончания технического института решил посвятить себя служению Богу. Отец Александр взялся за восстановление церкви в с. Девнинское: привез архитекторов из города, составил смету расходов, начал капитальный ремонт. Эти действия не смогли не сказаться на репутации священника в селе: многие люди, даже не посещающие храм, отзываются о нем как о человеке добром, понимающем, отзывчивом.

В беседе со мной батюшка признался, что, безусловно, некоторые обряды албанцев противоречат православным нормам, но открыто запрещать их практики он не намерен. По его наблюдениям, большинство албанцев Приазовья сейчас являются далекими от церкви *обычными советскими людьми*, которые приглашают священника на похороны номинально, как будто батюшка *какой-то фокус сделает*. Назначение священника — молиться за людей, как воцерковленных, так и номинальных христиан. Не может не вызывать уважения его взгляд на веру: если люди верят, посещают храм, то можно *закрывать глаза* на некоторые приметы, *которые ничего не значат*. Чин погребения для о. Александра — возможность проповеди, привлечения в храм селян, не посещающих служб, но пришедших на похороны. Резюмируя, стоит, однако, сказать, что оба священника новейшей истории с. Георгиевка, несмотря на разницу во взглядах и методах работы с паствой, преданы своему делу и отдают себя ему без остатка.

Помимо описания отношений жителей села с духовенством, в заключение мне бы хотелось уделить внимание вопросу, касающемуся методологии сбора полевого материала и его оценки. Полевая работа в рамках изучения погребально-поминальной обрядности приазовских албанцев показала, что с момента появления в селе постоянного священника произошли некоторые перемены в отношении селян к своей традиционной культуре, что в конечном итоге может способствовать ее трансформации. Так, информанты из числа пришедших в церковь при отце Викторе утверждают, что поливать могилы — это очень большой грех. По их мнению, сейчас соблюдают этот обычай лишь те, которые не верят в Бога. *Брызгать можно только святой водой, а так наливать нельзя — они и так там плавают*. Из этой цитаты «воцерковленной» информантки становится ясно, что прежний комплекс мифологических представлений лишь сменился другим.

Описывая погребальный обряд албанцев, особенно откровенно дохристианские практики, она часто добавляла, что раньше в их обрядности такого не было. По ее словам, подобные практики были у русских или украинцев, а албанцы стали выполнять их потому, что в селе не было священника и некому было научить. Позиционируя албанцев как истинных носителей православия, моя собеседница, видимо, сама не замечая этого, выдает действительное за

желаемое: церковные обряды изначально были чистыми и правильными, к заблуждениям привели контакты с соседями и безверие. Подобные ответы могут внести неясность в работу исследователя, поэтому в данной ситуации крайне важен критический подход к источнику, о котором в этнографии сейчас принято много говорить. Необходимо сопоставлять полученные данные с прочей зафиксированной информацией, учитывая исторический фон и современный социо- и этнокультурный контекст.

Подводя итоги, стоит сказать, что цель данной статьи — обозначить фигуру сельского священника в качестве внешнего фактора, влияющего на трансформацию народных представлений, их оценку и отношение к ним. В современный период истории, в период реабилитации церкви и религии, роль духовенства во многих происходящих культурных, социальных, этнических процессах представляется исключительно важной. Обладая знаниями особого рода, сельский батюшка зарабатывает неоспоримый авторитет среди прихожан, в большинстве своем не знакомых с христианской культурой и приходящих в храм уже в зрелом возрасте. В свою очередь, священник зачастую не учитывает этнический фон паствы. Комплекс древнейших обрядов, чудом сохранившихся в духовной культуре, представляется как «букет» языческих пережитков, от которых необходимо избавить людей, решивших прийти в лоно церкви. Возможно, должно пройти некоторое время, прежде чем придет большее понимание данной проблемы, изменятся позиции и отношение как духовенства, окормляющего прихожан, так и самой паствы, для которой собственная история перестанет быть чем-то ненужным, представленным в виде полузабытых рассказов бабушек, но будет предметом гордости и объектом интереса.

Библиография

- Ермолин Д.С.* Похоронный обряд и отношение к смерти в традиционном обществе (на примере албанцев Приазовья) // Проблемы славяноведения / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2009. Вып. 11. С. 246–255.
- Ермолин Д.С.* Приазовский отряд. Полевой дневник 2008 года // Архив МАЭ РАН. К. I, оп. 2, д. 1851.
- Кряев Ю.В., Павлова Т.П.* Двоеверие на Руси // Как была крещена Русь. М., 1988. С. 362–375.
- Новик А.А.* Свадебная обрядность у албанцев Приазовья (по материалам экспедиций последних лет) // Университетские Петербургские чтения. 300 лет Северной столице / Под ред. Ю.В. Кривошеева, М.В. Ходякова. СПб., 2003. С. 751–758.
- Новосельцев А.Н.* Взаимоотношения Древней Руси со странами Востока и принятие Русью христианства // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы: Крещение Руси. М., 1987.
- Панченко А.М.* Красота Православия и крещение Руси // Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 377–391.
- Токарев С.А.* Этнографические наблюдения в балканских странах // Советская этнография. 1946. № 2.